

**АЛАКУЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С СОСУДАМИ БЕЗ ОРНАМЕНТА:
К ВОПРОСУ О СФЕРЕ ДЕТСКОЙ САКРАЛЬНОСТИ**

С.В. Сотникова

**ALAKUL GRAVES WITH POTS WITHOUT AN ORNAMENT:
TO THE ISSUE OF THE SPHERE OF CHILD SACRALITY**

S. Sotnikova

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, алакульская культура, сосуды без орнамента, погребения детей младенческого возраста

В статье рассматриваются алакульские детские погребения из могильников Алакуль и Степное VII. Эти погребения принадлежали, в основном, детям младенческого возраста. В головах младенцев ставились обычные сосуды с орнаментом, в которых, вероятно, была пища. В ногах – миниатюрные банки без орнамента, возможно, пустые. В некоторых случаях банка была перевернута вверх дном. Согласно этнографическим данным дети до определенного возраста считались принадлежащими не человеческому миру культуры, а иному, природному миру. Соответственно, они окружались подобными вещами. Вероятно, орнаментированные сосуды, поставленные в головах младенца, являлись своеобразным показателем принадлежности к миру культуры, к человеческому миру. В свою очередь, миниатюрные сосуды без орнамента, расположенные в ногах, маркировали принадлежность к миру природы, иному миру. Существовала особая сфера детской сакральности, к ней следует относить сосуды без орнамента из детских погребений. Таким образом, алакульские материалы позволяют предполагать, что ребенок (младенец) мог выступать посредником в общении с иным (природным) миром. Возможно, именно поэтому в детские погребения помещались неорнаментированные сосуды как часть природного мира и как средство общения с ним.

Keywords: South TransUrals, Bronze Age, Alakul culture, pots without ornament, burial of infants

The article deals with the Alakul children's graves from the Alakul and Stepnoe VII burial grounds. These burials belonged mainly to children of infantile age. Near the infant's heads ordinary pots with ornamentation were placed, in which probably there was food. Near the feet of the infants were placed miniature jars without ornament, possibly empty. In some cases, the jar had been turned up bottom. According to ethnographic data, children up to a certain age were considered to belong not to the human world of culture, but to another, natural world. Probably, the ornamented pots placed near the infant's head were a kind of indicator of belonging to the world of culture, i.e. the human world. In turn, miniature jars without ornament, located in the legs meant belonging to the world of nature, to another world. There was a special sphere of children's sacrality, it included pots without ornamentation from children's burials. Thus, the Alakul materials suggest that child (the infant) could act as a mediator in communicating with another (natural) world. Perhaps this is why, in children's burials were placed not ornamented jars, as part of the natural world and as a means of communication with the latter.

В алакульской культуре, входящей в андроновскую культурно-историческую общность, получила распространение достаточно своеобразная традиция детской погребальной обрядности. В детские, преимущественно младенческие погребения, помещались миниатюрные сосуды, в основном, баночной формы без орнамента. Они располагались в ногах погребенного, а в некоторых случаях были к тому же установлены вверх дном.

Впервые такая традиция была отмечена К.В. Сальниковым на материалах эпонимного Алакульского могильника в Южном Зауралье. Всего в этом могильнике обнаружено шесть неорнаментированных сосудов, пять из них – это миниатюрные банки, из которых три установлены в ногах погребенных вверх дном. В погребении 1 кургана 8 был

захоронен ребенок в возрасте немного старше года, скорченно, на левом боку, головой к югу. В юго-западном углу располагалось четыре сосуда, к западу от предполагаемого местонахождения ступней стоял вверх дном пятый небольшой сосудик баночной формы без орнамента, наполненный красной краской. В могиле 31 кургана 13 этого могильника была захоронена девочка 5-7 лет, скорченно, на левом боку, головой на юг. В головах – два сосуда. В ногах поставлен вверх дном маленький сосудик баночной формы без орнамента. В могиле 32 кургана 13 костяк ребенка располагался поперек могилы в скорченном положении, на левом боку, головой к югу. В юго-западном и юго-восточном углах найдено по одному сосуду, в северо-западном – два, причем оба установлены вверх дном, один из них

– миниатюрная баночка без орнамента. [Сальников, 1952. С. 52-53, 61-62, 65. Рис. 9, 9, 12, 13]. Таким образом, во всех трех случаях, когда достоверно установлено положение неорнаментированного сосуда вверх дном в ногах костяка, погребенного являлись детскими. К.В. Сальников отмечает, что и две другие неорнаментированные банки из Алакульского могильника были найдены в ногах погребенных, но в раздавленном виде, поэтому не исключена возможность, что и они были перевернуты. Такая ситуация зафиксирована в погребении 8 кургана 13, которое содержало разрозненные кости очень молодой женщины и ребенка, другая могила (погребение 2 кургана 8) являлась взрослым захоронением [Сальников, 1952. С. 53, 58, 65. Рис. 9, 10, 11], далее они рассматриваться не будут.

Наиболее выразительная картина представлена в алакульских погребениях могильника Степное VII из Южного Зауралья. В нем зафиксировано 18 небольших неорнаментированных сосудиков, часть из них слеплена грубо и непропорционально, причем все экземпляры, кроме одного, происходят из младенческих погребений. Более того, большинство сосудов размещалось в ногах погребенного, иногда в перевернутом виде, «свидетельствуя тем самым, что их положение не случайность, а специфическая черта детского обряда» [Берсенева и др., 2014. С. 94].

В могильнике Степное VII небольшие сосудики без орнамента, располагавшиеся в ногах ребенка (младенца), обнаружены в следующих алакульских погребениях.

Могильная яма 9 вытянута по оси запад-восток. Найдены два костяка младенцев в возрасте $\leq 0,5$ месяцев, сильно нарушенные норой грызуна. Вероятно, погребенные были захоронены скорченно, на левом боку, головой на запад. На дне ямы – два сосуда, один – в западной части, горшечного типа с орнаментом. Другой – миниатюрный сосудик без орнамента баночной формы находился в восточной части ямы (т.е. в ногах погребенных – С.С.) [Куприянова, Зданович, 2015. С. 21-22].

Впускное погребение 31а совершено на второй ступеньке входа в погребальную камеру 31. Ребенок в возрасте 4-6 лет захоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. В головах – крупный сосуд горшечного типа с орнаментом. В ногах ребенка, над третьей ступенькой-уступом, находился миниатюрный сосудик баночной формы без орнамента [Там же. С. 66-67. Рис. 64, 3, 4].

В могиле 33 зафиксировано два впускных погребения: 33а – петровское, 33б – алакульское. Погребение 33б находилось в центре ямы, очертания погребения не фиксируются. На одном уровне расчищены останки трех детских костяков (В, Г, Д), лежавших параллельно друг другу, цепочкой с севера на юг, на левом боку, скорченно, головой на запад. Возраст погребенных, соответственно: новорожденный, 2-4 месяца, 1 год. В головах, напротив каждого погребенного, стояли в ряд сосуда средних размеров горшечного типа с орнаментом.

В заполнении одного из сосудов находилась кость животного. Четвертый сосуд – небольшая баночка без орнамента, располагался в ногах костяка Д [Там же. С. 69-70. Рис. 73, 1, 2, 4, 5].

В могиле 55 погребен ребенок в возрасте от 0 до 2 месяцев, на левом боку, головой на северо-запад. В головах находился сосуд горшечного типа с орнаментом [Там же. Рис. 96, 3]. Поверх ног – небольшая неорнаментированная банка плохой сохранности [Там же. С. 93].

В могиле 57, ориентированной по линии запад-восток с небольшим отклонением, в центре ямы расчищены фрагменты черепа младенца в возрасте $\leq 0,5$ месяца – остатки верхней и нижней челюстей. Вероятно, ребенок лежал на левом боку, лицом на север (головой, вероятно, на запад – С.С.). В западной половине размещался сосуд горшечного типа с орнаментом, в восточной части (т.е. в районе предполагаемого нахождения ног) – миниатюрная банка без орнамента [Там же. С. 95. Рис. 97, 5, 6].

Могила 62 содержала захоронение младенца в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад. У головы ребенка стоял орнаментированный сосуд горшечного типа, в ногах – миниатюрный сосуд горшечного типа без орнамента [Там же. С. 99. Рис. 101, 5-63].

В могиле 64 обнаружено захоронение младенца в возрасте 6-7 месяцев в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад. В головах ребенка стояли три сосуда среднего размера горшечного типа с орнаментом. В ногах – небольшой слабопрофилированный сосуд без орнамента [Там же. С. 101-102. Рис. 103, 6-9].

В могиле 65 захоронен новорожденный ребенок, скорченно, на левом боку, головой на северо-запад. У головы ребенка находился средних размеров орнаментированный сосуд горшечного типа, в ногах – миниатюрная банка без орнамента [Там же. С. 103. Рис. 104, 1, 5].

В могиле 68 обнаружены останки младенца, который был положен на левый бок, головой на запад. У головы ребенка находился средних размеров орнаментированный сосуд горшечного типа, внутри которого обнаружены остатки круглой деревянной крышки. В ногах – миниатюрная банка без орнамента [Там же. С. 104. Рис. 95, 5, 6].

Могила 69 была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела размеры $0,71 \times 0,55$ м. В юго-западной части стоял сосуд горшечного типа с орнаментом, в северо-восточной части – миниатюрная баночка без орнамента [Там же. С. 104. Рис. 105, 3]. Костей человека в могиле не обнаружено, но, по аналогии с другими захоронениями этого памятника, можно предполагать погребение в ней младенца. Более того, так как в юго-западном углу находился сосуд с орнаментом, можно допустить ориентацию умершего головой на юго-запад, а ногами – в северо-восточном направлении, где, соответственно, была установлена миниатюрная баночка без орнамента.

В этом могильнике в нескольких случаях сосуда без орнамента, поставленные в ногах младенца,

были перевернуты вверх дном. В могиле 42 был захоронен ребенок в возрасте около года, на левом боку головой на юго-запад. В районе колен стоял сосуд средних размеров горшечного типа с орнаментом. В ногах – небольшой сосудик с неумело нанесенным орнаментом, перевернутый вверх дном [Там же. С. 77. Рис. 79].

Могилы 58 имела крупные размеры и была ориентирована по линии запад – восток. Содержала останки минимум пяти детей – три труположения и две кремации. В западной части, параллельно торцевой стенке, располагались останки трех погребенных младенцев. Костяк А – новорожденный, костяк Б – в возрасте от 0 до 2 месяцев, костяк В – точный возраст не указан. В головах погребенных, вдоль западной стенки в ряд стояло пять сосудов горшечного типа с орнаментом. В ногах, в юго-восточном углу находился шестой сосуд – миниатюрная баночка без орнамента, перевернутая вверх дном [Там же. С. 95-97. Рис. 99].

Погребение 41а – впускное. Контур погребения выделялся в виде прямоугольника 0,75×0,36 м, ориентированного по линии юго-запад – северо-восток. В западной части – сосуд горшечного типа средних размеров с орнаментом. Возле северо-восточной стенки – миниатюрная баночка без орнамента, перевернутая вверх дном. Костей погребенного не сохранилось, но, по аналогии с другими захоронениями этого памятника, исследователи предполагают, что яма содержала погребение младенца [Там же. С. 75]. Более того, так как в западной части находился сосуд с орнаментом, а возле северо-восточной стенки – баночка без орнамента, можно допустить ориентацию младенца головой в западном направлении. Следовательно, сосудик без орнамента располагался у него в ногах.

Таким образом, специфическое назначение сосудов без орнамента выступает достаточно отчетливо. Они были связаны с захоронением младенцев, имели небольшие размеры, преобладали изделия простой баночной формы, размещались они в ногах погребенных, в некоторых случаях их переворачивали вверх дном.

Отличительной чертой андроновской орнаментации являются геометрические узоры, нередко достаточно сложные, и четко выраженная зональность орнамента. Исследователи неоднократно обращались к интерпретации орнамента на андроновских сосудах [Зотова, 1965. С. 181; Ковтун, 2016. С. 103-157 и др.]. Постараемся выяснить, имело ли отсутствие орнамента на сосуде какую-либо смысловую нагрузку? Безусловно, в этом случае немалое значение имеет контекст обнаружения таких сосудов в младенческих погребениях.

Согласно традиционным представлениям многих сибирских народов, младенец рассматривался как природное существо, которое находилось на границе двух миров: природного и культурного. Это позволяет предполагать, что в древности существовала особая детская сфера сакральности. В связи с этим, представляют интерес данные угорской этнографии, которые для нас особенно важ-

ны, так как, по мнению ряда исследователей, контакты индоиранского и угорского населения уходят в глубокую древность [Абаев, 1981. С. 84-89]. В свою очередь, индоиранская принадлежность алакульского населения признается многими исследователями. В.М. Кулемзин, рассматривая угорскую (прежде всего хантыйскую) культуру, отмечал, что когда с символами сверхъестественного мира вступает в контакт взрослый человек, он действует посредством вещи (жертвы). Ребенок же вступает в эту связь непосредственно, так как сам он принадлежит не к реальному, а к потустороннему миру [Кулемзин, 2003. С. 382-383].

К этому следует добавить, что многие характеристики младенцев явно тяготеют к миру природы, что подтверждается данными сибирской этнографии. Ребенок говорил на непонятном для взрослых языке, близком звучанию природного (дикого, иного) мира. В этой связи челканцы одно и то же слово пагыр – «кричать» употребляли в отношении маленьких детей и косуль. Среди стариков-карагасов существовал обычай называть маленького человека «чужак» или «ягнунок». Тюрки Саяно-Алтая считали младенческий лепет разговором, в котором собеседником ребенка выступала богиня Умай. Буряты прежде полагали, что маленький ребенок все знает, о чем говорит сам с собою. Есть люди, которые понимают детский говор. Если у буряты маленький ребенок сильно лепечет, то приглашают человека, понимающего детский язык. При этом стараются сделать так, чтобы ребенок об этом не знал. Считалось, что если он узнает, то не будет говорить. Тогда ребенка нужно обмануть, например, приглашенный человек, знающий детский язык, должен притвориться спящим или сделать вид, что он уехал. Исследователи считают, что понимание «знающими» людьми детского языка, вероятно, было сродни получению шаманом информации от существ иного мира. Оставаясь в какой-то мере «природными» существами, дети, с точки зрения традиционного общества, сохраняли связь и с иным пространством [Сагалаев, Октябрьская, 1990. С. 148-149].

Не лишено оснований предположение, что в среде алакульского населения также существовали представления, что младенец находился на границе двух миров (природного и культурного), поэтому его стремились окружать вещами, которые эти миры соединяли. Обращает на себя внимание, что в рассматриваемых детских погребениях отчетливо задано такое противопоставление, как расположение орнаментированных и неорнаментированных сосудов по отношению к костяку. В головах детей ставились орнаментированные сосуды горшечного типа средних размеров. Скорее всего, в них помещалась напутственная пища. Такие сосуды обычны и для взрослых погребений, где они также располагались в головах. В ногах младенцев ставились миниатюрные банки без орнамента, возможно, пустые.

Вероятно, орнаментированные сосуды, поставленные в головах младенца, являлись свое-

образным показателем принадлежности к миру культуры, к человеческому миру, что подтверждается зональностью орнамента и наличием сложных геометрических композиций, расположением посуды в обычном положении устьем вверх, использованием ее для хранения или потребления пищи. В свою очередь, миниатюрные сосуды без орнамента, расположенные в ногах и, в некоторых случаях, перевернутые вверх дном, маркировали принадлежность к миру природы (иному миру), нижнему миру. М.Ф. Косарев отмечает, что в древности изображать то, что не открыто взору живых, считалось нежелательным, противоестественным. Так, на шаманских бубнах изображался более или менее детально только видимый (Средний) мир. Нижний мир, поскольку он темен, либо вообще не изображали, либо изображали только вход в него или какой-то символ [Косарев, 1991. С. 173, 176].

Достаточно важным представляется вывод В.М. Кулемзина о том, что особой сакрализацией был наделен мир детских вещей и детских игр. «Степень сакрализации здесь может быть сравнима с атрибутами разного рода шаманов» [Кулемзин, 2003. С. 382-383]. Так, он отмечает, что у хантов р. Вах сакрализован клюв гагары, причем в большей степени, чем сама гагара. Причина такого рода сакрализации заключается в том, что клюв гагары подвешивался к спинке детской колыбели, а в прошлом его использовали как наконечник стрелы [Там же. С. 383].

Используя параллели из угорской этнографии можно предположить, что сосуд без орнамента из алакульского детского погребения был сакрализован, возможно, в большей степени, чем орнаментированный из взрослого. Переворачивание неорнаментированного сосуда вверх дном также может свидетельствовать о том, что с такими сосудами обращались как с особыми сакральными предметами, направленными на общение с иным миром. К этому следует добавить, что в Алакульском могильнике (погребение 1 курган 8), где был захоронен ребенок в возрасте немного старше года, сосудик, перевернутый вверх дном, был наполненный красной краской. Вероятно, нельзя исключать варианта, что эта вещь функционально приближалась к шаманским атрибутам. Таким образом, алакульские материалы позволяют предполагать, что ребенок (младенец) мог выступать посредником в общении с иным (природным) миром, соответственно, неорнаментированные сосуды из младенческих погребений могли рассматриваться как часть природного мира и как средство общения с ним.

Таким образом, в рассматриваемых младенческих погребениях задано определенное противопоставление. С одной стороны, размещенные в головах стандартные орнаментированные сосуды с пищей, с другой стороны, неорнаментированные миниатюрные банки без пищи (?), установленные в ногах и, в некоторых случаях, перевернутые вверх дном. Возможно, подобное противопоставление имело отношение к образу Богини-матери. Богиня-мать, с одной стороны, связана с Верхним

миром, солнцем, светом, появлением жизни на земле. Как правило, колыбель во владениях богини-матери имеет четкую локализацию: в ее жилище или на его крыше, на ветвях дерева, в пещере высоко в горах. По представлениям хантов, детей посылает богиня Калтащ-Анки (Обдорско-Казымский, Нижнеобской вариант) или Анки-Пугос (Аганско-Васюганский, Юганско-Пимский ареал) [Дрянкова, 2001. С. 16]. Согласно представлениям васюганских хантов, душу Илт (ilt) новорожденному ребенку дает богиня Пугос, поэтому она еще называется «творящая людей Пугос». В своем доме с золотой крышей Пугос имеет семь колыбелей, в которых она укачивает Илт, пока они не будут готовы [Карьялайнен, 1995. С. 226-227]. Ханты считали, что до момента рождения и первые 7-10 дней ребенок находится в ведении Анки-Пугос. Родители как бы частично снимали с себя заботу о нем, не предпринимали каких-либо особых магических мер, чтобы сохранить его жизнь [Кулемзин, 1984. С. 106]. Согласно алтайским (хакасским) верованиям, хранительница душ Ымай идже живет на горе Ымай-гасхыл. Внутри горы на стенах многочисленных ходов висели колыбели с душами детей: души девочек – коралловые бусины суру, а мальчиков – стрелы ух [Бутанаев, 1984. С. 96-97].

Материальным воплощением связи родившегося младенца с природной Богиней-матерью являлась пуповина (послед), которая носила имена этих богинь – калтащ, пугос, анки, сян, умай и связывала ребенка с его покровителями. Большое значение придавалось действиям с последом. По представлениям хантов, послед был первым обиталищем ребенка и принадлежал богине Калтащ-Анки. Поскольку Калтащ ведала деторождением, послед обязательно «возвращали» ей. Послед мыли, заворачивали в чистую тряпку или тальниковую стружку и помещали в специальную берестяную емкость вончап. Тромъеганские ханты заворачивали в две тряпки, помещали в берестяной туесок, который зашивали корнем кедра и подвешивали к дереву. Юганские ханты обряжали послед «как куклу» – в платок и халат-сах, перевязанный поясом. Возвращение последа сопровождалось угощением, который устраивали женщины селения в лесу [Дрянкова, 2001. С. 24]. М.В. Кулемзин и Н.В. Лукина отмечали, что в некоторых случаях васюганско-ваховские ханты закапывали послед в землю, предварительно завернув его в чистую тряпку [Кулемзин, Лукина, 1977. С. 210]. Хакасы захоранивали послед в юрте с соблюдением целого ряда церемоний. Как отмечает А.М. Сагалаев, «эти ритуалы объединяет единая цель: послед возвращается миру природы, как бы в обмен на ребенка, получаемого обществом» [Сагалаев, 1991. С. 74].

С другой стороны, Богиня-мать связана с Нижним миром: она забирает, «пожирает» младенцев, но одновременно и рождает новую жизнь. Согласно представлениям кетов, у матери-земли есть пупок, который находится в центре земли и считается живым женским существом. О родившихся детях кеты говорили: «матерью-землей данные мне за-

вязки», о смерти ребенка говорили: «мать-земля съела мои завязки» [Алексеев, 1976. С. 77]. Образ Богини-матери вбирает в себя оба мира, так как они оба причастны к круговороту жизни.

А.М. Сагалаев отмечает, что «при всех попытках традиционного мироощущения “поселить” богиню-мать на небесах мы видим постоянное ее соскальзывание к земным, хтоническим образам и символам, через которые удается раскрыть идею плодоносящего чрева. Обращает на себя внимание явный параллелизм образов, через которые удается раскрыть идею плодоносящего чрева. Это гора, пещера, дупло, колыбель, т.е. образы, изоморфность которых не вызывает сомнений. Так или иначе, это метафоры рождающего лоно природы, исторгающего жизнь и становящегося пристанищем после завершения земного пути. Через эти образы воплощался облик матери-земли: Умай, Калташ, Анки-Пугос» [Сагалаев, 1991. С. 71].

Несомненный интерес представляет тот факт, что все дети в рассматриваемых алакульских погребениях, содержащих сосуды без орнамента, снабжены украшениями разного вида, в некоторых случаях явно не соответствующими их младенческому возрасту.

В погребении 1 кургана 8 Алакульского могильника на костях кисти рук ребенка в возрасте немного старше года зафиксирована половина бронзового желобчатого браслета, к северу от черепа – две пастовые бусины. В могиле 32 кургана 13 на предплечьях ребенка зафиксированы браслеты, на одном – два, на другом – один. В области шеи лежали остатки ожерелья из пастовых бус и крестообразная подвеска в середине нити, на ногах – низки бронзовых бус [Сальников, 1952. С. 52-53, 61-62, 65].

В могиле 9 могильника Степное VII находились два костяка младенцев в возрасте $\leq 0,5$ месяца. При костяке А обнаружен один обломок бронзовой очковидной подвески, при костяке Б – другой. Кроме того, в могиле найдена пастовая бусина [Куприянова, Зданович, 2015. С. 21-22].

Погребение 336 содержало три костяка младенцев – В, Г, Д. У костяка В возле шеи располагались три низки пастовых бус. За его спиной, между ним и костяком Г, находилась круговая низка-пучок из 7 пастовых бус и 1 бусина на ребрах костяка Г. На уровне пояса костяка Г расчищено скопление из 23 пастовых бус, расположенных тремя низками, соединенными на одном конце, в районе пояса. Возможно, низок было четыре, так как несколько бусин лежали чуть поодаль. В области тазовых костей скелета Д компактно лежала низка-пучок из 8 пастовых бусин [Там же. С. 66, 69-70].

В могиле 42 был захоронен ребенок в возрасте около года, на его шее расчищены остатки трехрядного ожерелья из пастовых бус, за спиной, напротив затылка, низка, включающая 4 подвески из клыков животных и одну подвеску из раковины. Исследователи предполагают, что это части простого наосника. Напротив тазовых костей расчищены остатки пояса(?), состоявшего из трех низок

пастовых бус, расходящихся из одного центра – небольшой бронзовой бусины. На костях рук – по одному бронзовому желобчатому браслету небольшого размера [Там же. С. 77].

В могиле 55, где погребен ребенок в возрасте от 0 до 2 месяцев, в районе шеи находилась низка из 10 пастовых бус, в районе пояса – низка из 3 пастовых бус, в районе рук – два миниатюрных бронзовых желобчатых браслета. На костях обеих ног располагалось по одной низке бронзовых бус [Там же. С. 93].

В могиле 57 зафиксированы фрагменты черепа младенца в возрасте $\leq 0,5$ месяца, в 10 см к северо-востоку от черепа лежала бронзовая бусина [Там же. С. 95].

Могила 58 содержала останки минимум пяти детей – три труположения и две кремации. В районе шеи костяка В находились две низки пастовых бус, еще 1 бусина – рядом с костями черепа. Рядом с одним скоплением кальцинированных костей обнаружена пастовая бусина. В северо-восточном углу лежала одна пастовая бусина, ближе к середине восточной стенки – две пастовые бусины [Там же. С. 97].

Могила 62 содержала захоронение младенца, в районе шеи которого зафиксированы 3 пастовые бусины, а на руку был надет миниатюрный желобчатый браслет [Там же. С. 99].

В могиле 64 обнаружено захоронение младенца в возрасте 6-7 месяцев, в районе шеи находилась низка из 6 пастовых бус, под черепом – бронзовая очковидная подвеска, на костях рук – два небольших бронзовых желобчатых браслета [Там же. С. 102].

В могиле 65 захоронен новорожденный ребенок, под нижней челюстью располагалась низка пастовых бус, в районе пояса – скопление пастовых бус в виде трех расходящихся низок [Там же. С. 103].

В могиле 68 обнаружены останки младенца, в районе шеи находилось украшение в виде ожерелья из низки пастовых бус и бронзовой очковидной подвески [Там же. С. 104].

Таким образом, во всех без исключения могилах встречены украшения. Однако предположение, что миниатюрные сосуды без орнамента ставились лишь в ногах младенцев женского пола, вызывает известные сомнения. Вероятно, украшения присутствовали в младенческих погребениях независимо от пола, вернее, пол младенца вообще не имел значения. Этому есть этнографические подтверждения.

У восточных славян ребенок до определенного возраста считался как бы бесполом существом. По отношению к младенцам применялись термины среднего рода, типа дитя или собирательные (мелочь, тварня и др.) [Байбурин, 1991. С. 257]. А.К. Байбурин, опираясь на восточнославянский материал, высказал предположение, что «в конкретных локальных традициях установлены свои (часто весьма различающиеся) сроки, когда возникает необходимость придания существующим

“природным” признакам пола качественно нового статуса “культурных” признаков. До тех пор пока такое преобразование не совершено, естественные половые различия не имели смысла. Только с помощью специальных ритуальных операций они... получали своеобразную санкцию на существование» [Там же. С. 257-258].

Значительный интерес, учитывая индоиранскую атрибуцию алакульского населения, представляет также иранский материал. В традиционной культуре персов ребенок до 5 лет независимо от пола назывался кудак, кудаке хордсал [Асатрян, 1983. С. 72-73, 75]. Подобные этнографические свидетельства имеются и по таджикам, что для нас представляет несомненный интерес, так как их формирование происходило на иранской основе [Моногарова, 2000. С. 507]. Согласно материалам Е.М.Пещеревой, собранным в 1924-1935 годах, говоря о детях до 4-5-летнего возраста, горные таджики называли их общим словом кудак/гудак – «дитя», «ребенок» и почти не делали различия в костюме. В большинстве горных мест маленькие девочки и мальчики раньше одинаково были одеты в одну только рубаху [Пещерева, 1957. С. 23-24].

Е.В.Куприянова отмечает, что «самой распространенной деталью в детском костюме могильника Степное VII, были украшения пояса, которые на 100% отсутствовали в женских погребениях этого же памятника и в целом не являются характерной деталью женского костюма эпохи бронзы. На Степном VII поясные украшения встречаются у подавляющего большинства погребенных детей, причем по данным нескольких погребений (ямы 33, 42, 49, 59, 63) их структура определена как три сходящиеся к пояснице и иногда объединенные бронзовой обоймой низки бусин... Очевидно, украшение можно реконструировать как низки, крепящиеся спереди на поясе» [Куприянова, 2015. С. 141, 143].

Для интерпретации такой детали алакульского костюма, как пояс, чрезвычайно важны данные угорской этнографии, где эта деталь женского костюма определенным образом связана с пуповиной родившихся детей. Ханты верили, что неправильное обращение с пуповиной могло принести вред ребенку. Во избежание этого пуповину, после отпадения, завернув в тряпку, привязывали к дереву или прятали в укромное место. Пуповины родившихся детей мать носила на поясе, зашитыми в треугольные мешочки. Ваховские ханты отпавшую пуповину зашивали в мешочек и подвешивали к

колыбели [Дрянкова, 2001. С. 24]. Можно предположить, что алакульские женщины также носили пояс с пуповинами родившихся детей. В случае смерти младенца, возможно, именно для пуповины изготавливали детский пояс, который являлся частью погребального костюма ребенка определенного возраста и обладал высокой степенью «сакральности», так как являлся знаком возвращения природе (Богине-матери) «природного». Однако, в погребальный костюм женщины пояс не входил, несмотря на то, что мог быть частью повседневного женского костюма. Не исключен также вариант, что алакульцы подвешивали пуповину к колыбели младенца, а в случае его смерти изготавливали детский пояс, к которому прикрепляли пуповину.

В рассмотренных младенческих погребениях широко представлены женские украшения, такие как бронзовые браслеты, многорядные пастовые бусы, бронзовые бусы, ожерелья из бусин и очковидных или крестовидных подвесок, накосники, включающие клыки животных и раковины. С определенной осторожностью можно высказать предположение, что украшения не обязательно принадлежали самим младенцам. В алакульском обществе младенцы могли восприниматься как бесполое существо, у которых «природные» признаки пола еще не приобрели качественно нового статуса «культурных» признаков. Младенцы могли выступать в роли посредников при обращении к Богине-матери. Женские украшения в таких погребениях выступали как вещи, принадлежащие миру культуры, человеческому миру и являлись дарами Богине-матери (иногда в вотивном воплощении), в надежде получить ответный дар – прекращения болезни и детской смертности или рождения новых младенцев, что, в сущности, и означало благополучие человеческого коллектива.

Таким образом, небольшие баночки без орнамента из младенческих погребений могли маркировать мир природы, обладать высокой степенью «сакральности», указывать на связь младенцев с «природным» началом, на их посредническую функцию при общении с иным (природным) миром. Украшения, сопровождающие младенца, вероятно, не следует однозначно рассматривать просто как детали его костюма. Так, пояс мог быть частью детского погребального костюма и принадлежать к детской сфере сакрального. Другие украшения могли быть предметами, предназначенными в дар Богине-матери в надежде на ответный дар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.) / Ред.кол. М.С.Асимов и др. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 84-89.

Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера / Отв. ред. И.С.Вдовин. Л.: Наука, 1976. С. 67-105.

Асатрян Г.С. Обряды детства и воспитание детей в традиционной культуре персов // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии / Отв. ред. И.С.Кон. М.: Наука, 1983. С. 68-88.

Байбурина А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. А.К.Байбурина, И.С.Кон. СПб.: Наука, 1991. С. 257-265.

Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенева А.Г. Следы детства. Поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. 2014. С. 88-100.

Бутанаева В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири / Отв. ред. И.Н. Гемуев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1984. С. 93-105.

Дрянкова О.О. Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка у хантов // Проблемы истории и филологии / Редкол. Т.Е. Казакова, С.В. Хабарова. Тобольск: ТГПИ, 2001. С. 18-33.

Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской орнаментации // МИА. № 130. 1965. С. 177-181.

Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов. Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 284 с.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Издат. дом «Казанская недвижимость», 2016. 547 с.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 189 с.

Кулемзин В.М. Отдельные штрихи к портрету хантыйской культуры // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие наро-

дов Западной Сибири». Тобольск: Тобольск-Нефтехим, 2003. С. 380-385.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 226 с.

Куприянова Е.В. Новые данные о женском и детском костюмах эпохи поздней бронзы по материалам могильника Степное VII. Приложение 1 // Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. С. 139-143.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Моногарова Л.Ф. Таджики // Народы и религии мира / Гл. ред. А.П. Горкин. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. С. 507-509.

Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924-1935 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 22-94.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 156 с.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. №24. 1952. С. 51-71.

REFERENCES

Abaev V.I. Doistoriya indoirancev v svete arioural'skih yazykovykh kontaktov [Prehistory of Indo-Iranians in the light of Ario-Uralic language contacts] // Etnicheskie problemy istorii Central'noi Azii v drevnosti (II tys. do n.e.) / Redkol. M.S. Asimov i dr. M.: Nauka, 1981. S. 84-89.

Alekseenko E.A. Predstavleniya ketov o mire [The Kets views about the world] // Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyah narodov Sibiri i Severa / Отв. ред. I.S. Vdovin. L.: Nauka, 1976. S. 67-105.

Asatryan G.S. Obryady detstva i vospitanie detei v traditsionnoi kul'ture persov [The rites of childhood and the upbringing of children in the traditional culture of the Persians] // Etnografiya detstva. Traditsionnye formy vospitaniya detei i podrostkov u narodov Perednei i Yuzhnoi Azii / Отв. ред. I.S. Kon. M.: Nauka, 1983. S. 68-88.

Baiburin A.K. Obryadovye formy polovoi identifikatsii detei [Ritual forms of gender identity of children] // Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya / Отв. ред. A.K. Baiburin, I.S. Kon. SPb.: Nauka, 1991. S. 257-265.

Berseneva N.A., Kupriyanova E.V., Bersenev A.G. Sledy detstva. Poisk detei v arheologicheskom istochnike i izuchenie keramicheskikh artefaktov (epoha bronzy Yuzhnogo Zaural'ya) [Traces of childhood. Search of children in the archaeological source and the study of ceramic artifacts (the Bronze age of South TransUrals)] // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya,

filologiya. T. 13. Vyp. 3: Arheologiya i etnografiya. 2014. S. 88-100.

Butanaev V.Ya. Kul't bogini Umay u hakasov [The cult of the goddess Umay among the Khakas people] // Etnografiya narodov Sibiri / Отв. ред. I.N. Gemuev, Yu.S. Hudyakov. Novosibirsk: Nauka, 1984. S. 93-105.

Dryankova O.O. Obychai i obryady, svyazannye s rozhdeniem rebenka u hantov [Customs and rituals associated with the birth of a child among the Khanty] // Problemy istorii i filologii / Redkol. T.E. Kazakova, S.V. Habarova. Tobol'sk: TGPI, 2001. S. 18-33.

Zotova S.V. Kovrovye ornamenti andronovskoi ornamentatsii [Carpet ornaments of the Andronovo ornamentations] // MIA. 1965. №130. S. 177-181.

Kar'yalainen K.F. Religiya ugorskih narodov [The religion of the Ugric peoples]. T. 2. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995. 284 s.

Kovtun I.V. Andronovskii ornament (morfologiya i mifologiya) [The Andronov ornament (morphology and mythology)]. Kazan': Izdat. dom «Kazanskaya nedvizhimost'», 2016. 547 s.

Kosarev M.F. Drevnyaya istoriya Zapadnoi Sibiri: chelovek i prirodnyaya sreda [The ancient history of Western Siberia: man and the natural environment]. M.: Nauka, 1991. 302 s.

Kulemzin V.M. Chelovek i priroda v verovaniyakh hantov [Man and nature in the beliefs of the Khanty]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1984. 189 s.

Kulemzin V.M. Otdel'nye shtrihy k portretu hantyskoi kul'tury [Individual touches to the

portrait of the Khanty culture] // Ugly. Materialy VI Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri». Tobol'sk: Tobol'sk-Neftehim, 2003. S. 380-385.

Kulemzin V.M., Lukina N.V. Vasyugansko-vakhovskie hanty v konce XIX – nachale XX vv. Etnograficheskie ocherki [The Vasyugan-Vakhovsky Khanty at the end of XIX – early of XX centuries. Ethnographic essays]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1977. 226 s.

Kupriyanova E.V. Novye dannye o zhenskom i detskom kostyumah epohi pozdnei bronzy po materialam mogil'nika Stepnoe VII. Prilozhenie 1 [New data on women's and children's suits of the Late Bronze Age, based on the materials from the burial ground Stepnoe VII. Annex 1] // Kupriyanova E.V., Zdanovich D.G. Drevnosti lesostepnogo Zaural'ya: Mogil'nik Stepnoe VII. Chelyabinsk: Enciklopediya, 2015. S. 139-143.

Kupriyanova E.V., Zdanovich G. Drevnosti lesostepnogo Zaural'ya: Mogil'nik Stepnoe VII [Antiquities of the forest-steppe TransUrals: the burial

ground Stepnoe VII]. Chelyabinsk: Enciklopediya, 2015. 196 s.

Monogarova L.F. Tadzhiiki [The Tajiks] // Narody i religii mira / Gl. red. A.P. Gorkin. M.: Bol'shaya Rossiiskaya Enciklopediya, 2000. S. 507-509.

Peshereva E.M. Igrushki i detskie igry u tadjikov i uzbekov (po materialam 1924-1935 gg.) [Toys and children's games among the Tajiks and Uzbeks (based on the materials from of 1924-1935)] // Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. T. XVII. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. S. 22-94.

Sagalaev A.M. Uralo-altaiskaya mifologiya. Simvol i arhetip [The Ural-Altai mythology. The symbol and archetype]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 156 s.

Sagalaev A.M., Oktyabr'skaya I.V. Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Znak i ritual [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Symbol and ritual]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 209 s.

Sal'nikov K.V. Kurgany na ozere Alakul' [Burial mounds on lake Alakul] // MIA. 1952. №24. S. 51-7.